

НА ВОЛОСКЕ ОТ СМЕРТИ

Воспоминания пережившего Геноцид
Амбарцума
Мартиросовича Читчяна

УДК 820 (73) – 94 Читчян
ББК 84.7-4
Ч 690

Книга одобрена к изданию Ученым советом
Музея-института Геноцида армян НАН РА

Перевод и издание книги на русском осуществлены при поддержке
фонда «Гарри и Овсанна Читчян».

Из серии «Воспоминания пережившего геноцид»

Читчян Амбарцум
Ч 690 На волоске от смерти / А. Читчян. – Ер.:
Музей-институт Геноцида армян, 2012 - 399 стр.

В этой уникальной книге воспоминаний Амбарцума Читчяна, пережившего Геноцид армян представлен полный страданий и борьбы путь за выживание юноши из села Берри Харбердского вилайета Османской империи. Мемуары А. Читчяна содержат ценные сведения о резне армянского населения области Харберд. 14-летний Амбарцум, спасшийся от смерти во время Геноцида армян, шесть лет скитаются по Западной Армении в постоянном страхе попасться, подвергнуться мучениям и быть убитым, много раз находясь «на волоске от смерти».

Мемуары впервые были изданы в 2004 году на западноармянском и английском языках.

УДК 820 (73) – 94 Читчян
ББК 84.7-4

ISBN 978-9939-822-23-5

1082992

© А. Читчян

© Музей-институт Геноцида армян

*Посвящается памяти моей любимой жены
уроженки Малатии
Овсанны Пилоян-Читчян
и
полутюра миллиона невинных армян,
истребленных турками во время Геноцида*

Այս գրեածին վարչած
Ականջու լատէն
Արդու դրաբանած այսէն
Կը դողիշացալքէն

В моих глазах страх от увиденного
В ушах – от услышанного,
Сердце ослабело от прошлого
И трепещет перед тем, что еще предстоит

Содержание

	страницы
Предисловие	viii
Введение	ix
Пролог	xiii
Часть I	
1. Семья	3
2. Соседи	7
3. Наш дом	13
4. Природные богатства и обычаи	17
5. Общественная жизнь	24
6. Семейный уклад	26
7. Женская работа	30
8. Работа отца	34
9. Обычный день	36
10. Отъезд Петроса в Америку, замужество Заруи	39
11. Смерть деда и матери	41
12. Повторная женитьба отца	43
13. Отъезд Миграна в Америку	45
14. Мои обязанности	49
15. Игры и развлечения	54
16. Школа до дашнаков	59
17. Школа при дашнаках в 1912-1915 годах	69
Часть II	
18. Ранняя весна 1915 года	80
19. Турецкая школа	88
20. Жизнь с Кор-Мамо	96
21. Ахор	113
22. Ичме	116
23. Возвращение в Берри	123
24. Доктор Микаэл	128
25. Скитания из деревни в деревню	142
26. Барчандж	150
27. Немецкий протестантский приют	160
28. Американское предложение армянам	169
29. Сако Махласи	183
30. Побег из Харберда 18 мая 1921 года	198

31. Тавриз	213
32. Дорога в Америку	221
33. С божьей помощью я дошел до Алеппо	230
34. Новые испытания	240
 Часть III	
35. Десять самых счастливых лет моей жизни	254
36. Возвращение в Лос-Анджелес	281
37. В поисках утешения	294
38. Зарождение идеи написания воспоминаний, 1975-1980 годы	308
39. Потерянные мечты	322
40. Письма из прошлого	328
41. Разочарование в духовенстве	338
42. Мысли и признательность	347
43. Ожидания от армянской молодежи	357
44. Два события - радостное и печальное	360
 Эпилог	363
Приложение	369

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хочу выразить благодарность за идею и моральную поддержку доктору Дж. Майклу Акопяну, Хилмару Кайзеру, Питеру Абаджяну, Адрине Григорян и Лене Каймян, которые помогали мне, когда я писал свои воспоминания.

Особая благодарность Седе Маронян за подготовку армянской версии моих воспоминаний и приведение в порядок более 300 страниц рукописей, составленных в 1919-1923 годах. А также большая благодарность за русский перевод Ананит Минасян и дирекции Музея института Геноцида армян.

И, наконец, благодарность за фотографии следующим изданиям – «История Чарсанджака» (Геворг Ереванян), «Тройственный союз немцев, турок и дьявола» (Трейси Аткинсон), «Жажды воды» (Тереза Хантингтон Зейглер), «Прощай, Харберд» (Погос Джаггерян), а также Чарльзу Читчяну за предоставление фотографии его бабушки и матери, Ольге Кулуджян – за фотографию ее матери Заруи Мишмишян, Джоан Сейвер – за фотографию Берри, Пучигян Аветису – www.geocites.com/poochfamily/homeland2, Седе Маронян – за иллюстрации и карты.

ВВЕДЕНИЕ

С тех пор как помню себя, самыми счастливыми минутами для моих родителей были встречи со своими еркраци, людьми пережившими Геноцид армян 1915 года. Все делились друг с другом воспоминаниями о детстве. От них я узнала о Эргире*, этом особенном крае, месте не только дорогом их сердцу, но и месте, где все было по другому. Месте, где родные и знакомые были дружнее и внимательнее друг к другу. Там, где абрикос, тут (шелковица), виноград, слива, арбуз были сладкие. Даже вода и воздух были иными! Они с удовольствием вспоминали о тех счастливых днях. И я не понимала, почему же они покинули его? Ведь армяне там жили на протяжении трех тысяч лет. Армяне были первыми, кто принял христианство в качестве государственной религии. По сей день об этом говорят руины старинных храмов, разбросанные по всей территории Турции. Тогда почему они не могли вернуться на свою историческую родину, в свой Эргир?

К десяти годам кроме счастливых воспоминаний я узнала и горькую сторону этих историй. Меня убивали их слезы. Я не понимала, какое горе их объединяет, как счастливое детство превратилось во всеобщую скорбь? Полные слез глаза. Сов (голод), Джард (избиение) и Годоратз (Геноцид) были словами, которые они все время повторяли. Мне трудно было слышать эти слова. Они потеряли все, что любили. Турки были виновны в убийствах, разрушении семей. Отец осиротел. Ему нужно было выжить. Вскоре меня охватил страх перед одиночеством, ужасная мысль стать сиротой овладела моей душой.

Позднее, повзрослев, я поняла причину отцовских страхов, полных боли и разочарования. Проходили годы, а геноцид армян, совершенный турками, оставался безнаказанным вопреки принципам демократического общества. Для кого тогда существует правосудие? Где же правда?[†]

Трудно припомнить хотя бы один день, когда отец не вспоминал молодость. Я с наслаждением слушала его рассказы о детстве в Берри. К сожалению, воспоминания не обходились без историй о джарде.

* Исторически Эргиром называют все деревни и города Западной Армении (Великой Армении), сегодня оккупированной Турцией.

† Отец оскорблялся каждый раз, когда слышал словосочетание “джентльмен турок”, сделанное президентом США в начале Холодной войны.

Я чувствовала беспомощность. Никто не мог ей помочь. Но если тогда я не могла ничего сделать, то сейчас была просто обязана. Это стало целью моей жизни. К сожалению, несмотря на мои старания, чувства боли и потери не отпускали ее. Сегодня моему отцу 102 года.

Я не предполагала, что встречи с моими десяти-двенадцатилетними учениками и их родителями, а также учителями школы Этнологии в 1975 году станут для моего отца стимулом для того, чтобы записать свои воспоминания. В течение многих лет он подумывал об этом, чтобы их написать. Его пугала мысль о том, что однажды воспоминания о Геноциде армян могут так же бесследно исчезнуть, как и полтора миллиона невинных армян, павших жертвами на востоке Турции. Для начала в возрасте семидесяти пяти лет он написал 50 страниц воспоминаний о своей тяжелой жизни, но это оказалось для него не легко. Слишком тяжело было вспоминать и самому записывать весь пережитый им ужас.

В мае 1998 года, через двадцать пять лет после смерти любимой супруги Овсанны, он решил вновь вернуться к записям, начатым годы назад. Нам посчастливилось найти человека, который мог помочь отцу и соответствовал его требованиям. Ни единая строчка его текста не должна была быть изменена, переделана или удалена. Слова и грамматика должны были быть сохранены. Он требовал, чтобы оставались нетронутыми диалект и идиоматика тех лет его молодости, когда началась его история.

К счастью, судьба свела нас с Седой Маронян. Она уважала и принимала требования отца. На протяжении всей их работы я с особым удовольствием замечала, как записываются его мысли. Мне приятно было слышать, как Седа читала его строки, словно сам отец рассказывал о своей care. В конце концов, его история запечатлелась у меня навсегда...

Вскоре я поняла, что не только я одна не умею читать по-армянски, но и другие, также как и я, не смогут узнать историю отца и чудовищные муки Геноцида армян. Появилась необходимость в создании английской версии. Я осознавала трудности перевода книги отца, принимая во внимание строгие требования по сохранению первоначального текста. Сохранение оригинальности отцовского текста оказалось нелегким делом, так же как передача эмоций, оттенков боли и скорби, выраженных на армянском. Практически невозможно было перевести с армянского на английский эмоциональные и аллегорические пассажи. По этой причине текст был упрощен, чтобы не исказить истинные эмоции оригинала.

С той же целью я попыталась сохранить орфографию слов и названий на армянском языке, на турецком и на курдском вместе с их английскими эквивалентами. Если слово можно было перевести на английский, то это обязательно делалось, в противном случае приходилось передавать его в английской фонетике. Было крайне необходимо максимально сохранить то произношение отца, которому он научился в Берри и Харберде. Существует

как минимум семь вариантов произношения - Берри, Пери и так далее. Я выбрала Берри, так как именно таково произношение отца. Несмотря на свои 102 года, отец и сегодня сохранил ясность ума и помнит, что говорил, а чего нет.

Вместе с Седой мы использовали четыре источника для составления его воспоминаний – воспоминания на пятидесяти страницах, его эпизодические записи, очень важным источником были его устные рассказы и письма его племянников, которые помогли установить точные даты некоторых событий, а также имена людей, забытые нами.

У меня есть еще одно преимущество – память, которая хранит историю, рассказанные отцом. К тому же я прекрасно понимала его переживания, когда он говорил о пройденном им пути. Я поражалась его памяти. За многие годы я ни разу не слышала разный пересказ одной и той же истории. В любой момент он мог вспомнить новые нюансы, но основные детали повествования оставались неизменными.

Предисловие, написанное им двадцать пять лет назад, осталось неизменным в течение создания всей его истории. Он рассказывает ее от первого лица, обращается к читателю, все время переносится из прошлого в настоящее, высказывая свои истинные чувства. Для него прошлое слишком переплетено с настоящим. Влияние последствий Геноцида армян оставило глубокий след на его душе, теле и сознании. Прошлое всегда было с ним.

Во второй главе он в хронологическом порядке рассказывает историю о том, как выжил. За два года, в течение которых он приводил в порядок свои воспоминания, страхи прошлого вновь заполнили его душу. Его лицо выражало такое сильное страдание, что мы боялись копнуть глубже. Мне жаль, что я не начала воплощать эту идею в жизнь намного раньше*.

Первую главу мы с Седой записали по его рассказам. Небольшую часть мы были вынуждены сократить из-за опасения, что она может сильно отличаться от второй части. В этой главе его воспоминания до смерти матери и деда отмечены впечатлениями наивного восьмилетнего ребенка, так же как его жизнь, ежедневные обязанности и приятные воспоминания. Иногда вспоминая отдельный случай, он не мог вспомнить его завершения. Я чувствовала, как много он еще может рассказать, хотя он прилагал все усилия, чтобы вспомнить больше. Возможно это было связано с возрастом, ведь проект мы начали, когда ему было уже девяносто восемь лет, а может его сознание просто блокировало особо болезненные воспоминания?

Вторая и третья части написаны на основе его собственных записей, устных рассказов и писем, время от времени он вспоминал новые эпизоды. Некоторые из них были не интересными, а другие – ценные. Чтобы понять воздействие на него каждой истории, нужно было видеть выражение его

* Множество информации скрыто в его душе.

лица, его жесты и слезы. И тогда становилось понятным, какой след оставил Геноцид армян в его душе, несмотря на прошедшие восемьдесят восемь лет. В то же время полностью его чувства и переживания, к великому сожалению не могут быть переданы. Это можно было понять, только увидев его своими глазами.

В возрасте более ста двух лет единственным его желанием было, чтобы восторжествовала справедливость в отношении армян – “где же Бог, который признает права ВСЕХ своих ЛЮДЕЙ?”.

В далеком 1915 году Талаат паша (один из организаторов геноцида) заявил Генри Моргентайу, послу США в Турции, “Твои уговоры бессмысленны. Мы уже уничтожили три четверти армян, никого не осталось в Битлисе (родина Вильяма Сарояна), Vanе и Эрзруме. Ненависть турок к армянам настолько велика, что нам удалось окончательно избавиться от них. Иначе они отомстили бы нам”.

В то же время правительство США собирало мешки с армянскими костями? Зачем нашему правительству эти кости? Архивы США переполнены доказательствами. Мир знает, но продолжает ничего не делать в отношении событий 1915 года. Если бы Геноцид армян был справедливо осужден в 1915 году, то сегодня эта часть света была бы в мире. Сегодняшние проблемы являются следствием вчерашней алчности и эгоизма.

Человечество никогда не будет знать покоя, пока отрицается “несправедливость человека к человеку”. Правосудие универсально. Оно не может отвергаться по отношению к одним и служить интересам других!

Урок должен быть выучен! Империи сменяют одна другую, а история повторяется!

Заруи Сара Читчян
Декабрь 2003

ПРОЛОГ

Я выжил в турецких зверствах, совершенных по отношению к армянскому народу. Меня зовут Амбарцум Читчян. Родился я в 1901 году в селе Исмаил. Если вам посчастливилось не повстречать на своем жизненном пути зверств, подобных тем, что случились со мной, попрошу отнестись к моим страданиям, размышлением и чувствам с терпением и пониманием. Прошу, выслушайте меня до конца и поймете все, через что мне довелось пройти.

Я один из тех, кому удалось чудом выжить в варварском, непостижимо бесчеловечном в истории акте, совершенном Османской империей в 1915 году. Невозможно спастись от геноцида, можно спастись физически, но ваш разум и душа будут навсегда истерзаны. Шрам ада останется у вас навсегда.

Мои глаза и уши содрогались от ужаса, который довелось увидеть и услышать за шесть лет. Мое сердце истощилось от страданий и страха перед бушующим горем армян и земли армянской.

Если надежда и небесный свет не будут освещать путь армянам, если Бог не пожелает помочь, нам придется жить с угрызениями совести и в страхе, и в результате мы постепенно перестанем существовать.

От злобных турок я неоднократно слышал: «Если бы запоздалая мысль армян была нашей!». Они имели в виду, что, несмотря на то, что сегодня армяне разрознены, им стоит опасаться дня, когда мы снова будем едины.

Где сегодня мы найдем кончину - от рук ли турок или от самих себя? Единственный способ осуществления наших чаяний - единство нас самих.

В 1915 году Бог отвернулся от армян. Он оставил армян в тяжелейшее для них время, ту нацию, которая верует в него превыше всех, первую нацию, принявшую христианство как государственную религию. Вместе с тем, он позволил туркам совершить одно из самых варварских и гнусных злодействий в отношении человечества - попытку уничтожить целую нацию. Почему?

Истребили наших матерей, отцов, братьев и сестер - целых полтора миллиона армян. Кроме того, мы потеряли нашу историческую родину, свои корни, глубоко уходящие в нашу культуру, традиции и душу. Какая потеря для человечества! Эта нация может так много дать миру.

К счастью, с Божьей помощью восторженные воспоминания подростка, которому не исполнилось и полных четырнадцати лет, глубоко запечатлелись в моей душе и памяти. Теперь в 2003 году, в сто два года я все еще четко, с

удовольствием и наслаждением, вспоминаю картины юности. Я скучаю по той жизни и храню о ней воспоминания.

Лишившись семьи, дома и ЭРГИРа, я трепетно и тщательно хранил то немногое, что осталось у меня, - бесценные образы, которые питали мое сердце и душу на протяжении восьмидесяти восьми лет. Не проходит и дня, чтобы я мысленно не возвращался к тому, что меня окружало - к моей любимой семье, к учителям, одноклассникам, полноводным родникам, бурным водам реки Берри, сладкому вкусу тута и винограда... к родине моей души, к моему ЭРГИРу - исторической родине моих предков, моего народа, культуры и традиции которого формировались более трех тысяч лет. Грусть моей души никогда не пройдет.

Не знаю как разум мой и душа примирились с пережитым, позволив справиться и перетерпеть боль и страдания, причиненные турками. Живя лишь сегодняшним днем, от события к событию, я должен был научиться противостоять новой невыносимой трудности настолько уверенно, насколько это было возможно, и ... выжить!

Только тогда, когда я обрел свободу и безопасность, тщательно скрываемые образы в течение всей моей жизни преследовали меня кошмарами. Мне так и не удалось справиться с ними. Они вечно преследуют и мучают меня... Даже в этом возрасте, боль и мучения усиливаются от того, что я не вижу ни правосудия, ни возмездия. Моя душа успокоится только на том свете, когда справедливость восторжествует.

Ах - ах — это жизнь армянина, который устал от переживаний, и возможно не только он, но и читатель, и сам Господь.

В самом начале я хотел бы познакомить вас с тем, где и как я жил до того, как все это было отнято у меня силой*. Берри был районным центром Чарсанджака, расположенного в юго-восточной части области Дерсим в провинции Харберд, в которую входило 365 деревень. Он находился в 60-80 милях к югу-востоку от города Харберд, в четырех днях ходьбы. Бертак был посередине между Харбердом и Берри, в двух днях пешего хода, а Балу — к юго-востоку от Берри на расстоянии одного дня. Город был сельскохозяйственным поселением на склоне холма вдоль реки Берри. Берри был разделен на шесть кварталов (тах), пять из которых были заселены армянами. Мы жили в районе Гамар Ахбьюр.

Протекая через город, река Берри вливалась в Евфрат. Местность Берри довольно гористая, покрытая холмами и долинами. Из-за сильных дождей и снегопадов зима здесь суровая и долгая, а весна богата водопадами и реками. Этой водой питалась земля, столь важная для нашей жизни.

* Joanne Saver, "Poochigian archives",
<http://geocide.com/poochfamily/home/and2.htm>

Дорогой читатель,

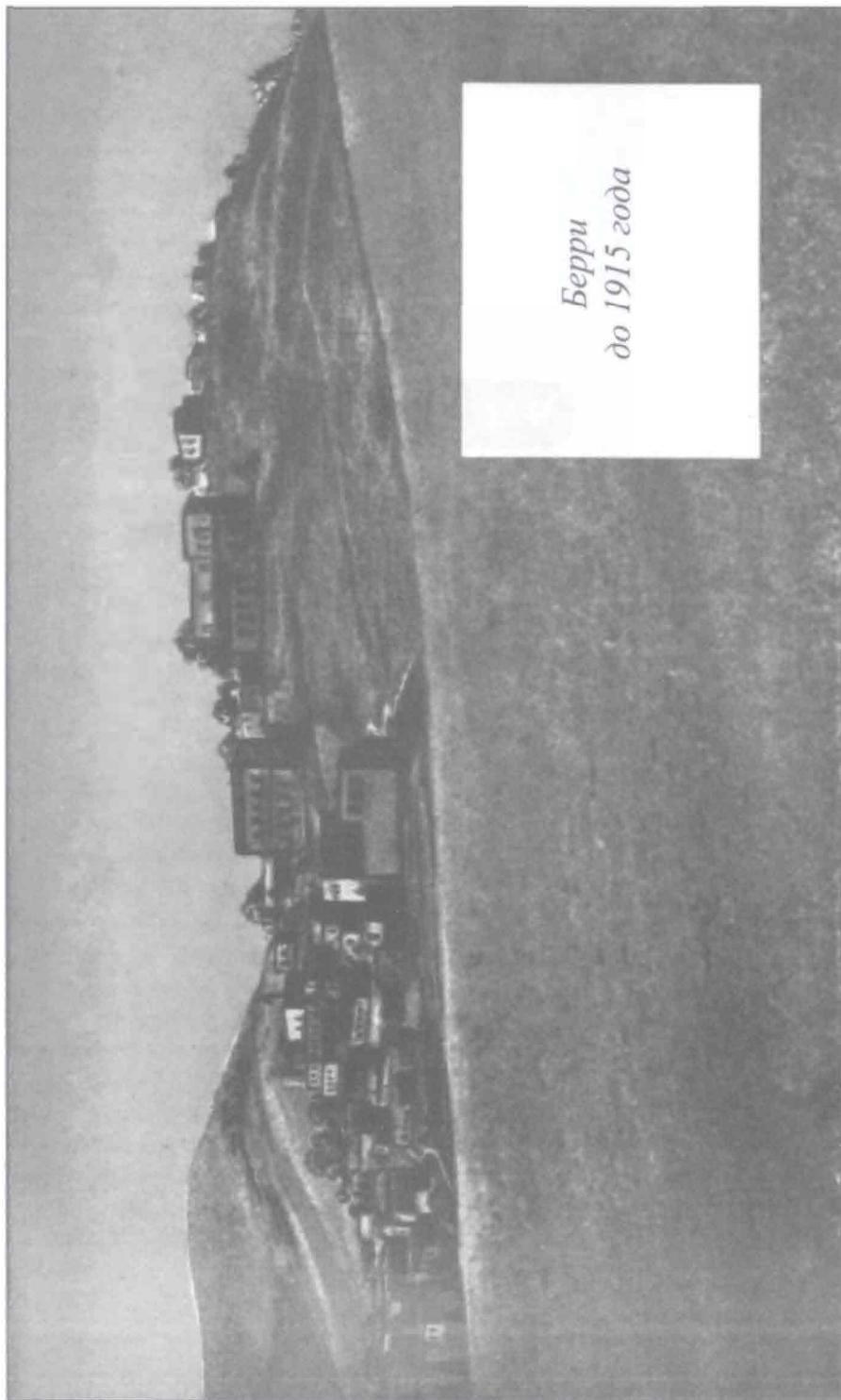
Ты приступаешь к путешествию в мое жизнеописание. Прошу набраться сердечного и душевного терпения и сострадания к тому, что было у меня и что потеряно навсегда. Если ты прочувствуешь ту боль, что чувствовал я, спасвшись в один из самых черных дней в истории, тогда ты поймешь состояние моей души на протяжении всех восьмидесяти восьми лет жизни... Никогда не спастись от геноцида.

*Амбарцум Мартirosович Читчян
(1976)*

ЧАСТЬ 1

Моя любимая родина - Эргир

Жизнь в Берри до геноцида

*Берри
до 1915 года*

Г. Ереванян

1. СЕМЬЯ

Сколько я себя помню, атмосфера нашего дома была насыщена пониманием, искренностью и лаской. Грубости в словах и делах не было. Старшие в семье были сдержаны в своих чувствах.

Взрослые очень хорошо понимали сущность турецкого правления. Они были в постоянном страхе за нашу жизнь и имущество. Для них спокойствия не существовало. У меня сохранилось мало воспоминаний об удовольствиях и радости, связанных с праздниками.

Я, Амбарцум Читчян, сын Мартироса и Терванд. Нас было шестеро братьев. Старший Петрос, далее Мигран, мой брат-близнец Гаспар, я, Кероп и самый младший Ншан. Средняя разница в возрасте между братьями была 5 лет. Также у меня было три сестры - Заруи, первый ребенок в семье, Султан и моя сводная сестра Ерануи, самый младший ребенок в семье. Всего у отца было девять детей.

Дед с отцовской стороны - Торос, жил с нами вместе со своей младшей дочерью Агавни. Его старшая дочь - Маринос с мужем жили в Медзкерт. Они были бездетны. Медзкерт находился на расстоянии дня пешего пути от нас, из-за этого мы не часто встречались.

Наша семья вела истинно христианский образ жизни. Это было влияние моего отца и деда, которые день и ночь проводили в молитвах. Такое редко встречалось в семьях моих одноклассников. Люди были настолько впечатлены нашим истинно христианским образом жизни, что, когда кто-нибудь в общине болел, нас с Гаспаром звали почитать отрывки из Библии для больного. Гаспар лучше меня читал Библию, но мы всегда ходили вдвоем, так как он боялся идти один. Нас звали часто, и это приносило небольшую прибыль нашей семье, что было очень приятно.

Мы не просто жили в христианской вере, но и поступали так, как следует поступать истинному христианину. Мы относились с уважением и ответственностью друг к другу. Каждый из нас бескорыстно был готов помочь. В возрасте девяноста двух лет мой дед Торос был здоровым человеком, и в доме все подчинялись его слову. Мы любили, уважали и почитали его. И хотя мой отец много курил, он никогда не делал этого перед дедом и садился по левую сторону от очага. Входя в дом, он всегда кланялся отцу и целовал ему руку. Это означало, что слово и воля деда были самыми главными в

доме. В соответствии с армянскими нормами поведения молодой невестки тех времен моя мать никогда не вступала в разговор со свекром, даже когда родила восьмерых детей.

Мы вели очень скромный и простой образ жизни. К сожалению, воспоминаний, связанных с матерью, у меня не осталось, так как она была очень молчаливой женщиной. У нее были большие темные глаза и смуглая кожа, что передалось мне и Миграну, моему младшему брату Керопу и сестре Заруи. Голова моей матери всегда была покрыта платком, который закрывал часть лица. Я ни разу не видел ее лицо открытым, а глаза ее всегда были полны грусти... Бедная...!

Вся забота по дому и за младшими детьми была на матери. В те годы женская участь была намного тяжелей мужской. Моя тетя Агавни и сестры Заруи и Султан всегда помогали матери в домашних делах. Они работали с утра до ночи.

Мать подарила жизнь восьми детям. Разница в возрасте между детьми была два или три года, и она всех кормила грудью. Однако, родив меня и моего брата близнеца, который был младше меня на 15 минут, она ослабла и не могла кормить нас обоих. Поэтому меня кормила другая женщина, потерявшая своего новорожденного ребенка. В течение года несколько раз в день меня относили к ней на кормление, а Гаспара мать кормила сама. Я был старше Гаспара, а также крупнее и здоровее него. У Гаспара были здоровые зубы, до самой смерти, до восьмидесяти двух лет у него не было ни одного испорченного зуба. В семьдесят пять лет я завидовал тому, как он с легкостью грызет яблоко. Я в этом возрасте уже носил зубные протезы, а первый зуб потерял в семнадцать. Я объясняю это тем, что меня кормила посторонняя женщина, а его до шестилетнего возраста кормила мать. Кроме того, из-за этого у него был ее мягкий характер, а также ее привлекательность и шарм. Он был способным в учебе и всеобщим любимцем дома. А я всегда был бунтарем и затейником, играл с друзьями, всегда с удовольствием кидался помогать отцу, шел за водой. Гаспара я ни разу не видел несущего воду.

Разговаривая с мужчинами семьи, мать всегда опускала на лицо платок. Поэтому я не помню ее лица, но оно должно быть было очень нежным, как и ее характер.

Больше всего мне запомнилось то, что я часто заставал ее в слезах. Я знал, что в эти моменты она вспоминала ужасы, пережитые ею, ее матерью и братьями во время массовых убийств армян в 1895 году в Васгерде. Ее отец пытался защитить свой дом от ограбления турок. Эти страшные сцены навсегда запечатились в ее душе. Слезам матери не было конца...

У нее было четыре брата. Все они были крестьянами и владели большим наделом земли, на которой выращивали пшеницу. Эта земля была рядом с калами — местом, где мололи зерно. Только ее младший брат Мартирос Мурадян имел двух сыновей. Его старший сын Седрак был на год моложе

моего брата Петроса. А его младшего сына звали Амаяком. Тот был на пару лет моложе меня. Они были единственными нашими кузенами. У меня не было других двоюродных братьев, хотя у отца были две сестры.

Мне всегда было жалко видеть маму в слезах, и я сам плакал при виде ее слез. Помню, в восьмилетнем возрасте я впервые увидел ее слезы и не думал тогда, что сам, как и она, до конца жизни буду страдать от воспоминаний о турецких зверствах.

Мой отец, Читчи Мартирос, был высоким человеком со светлой кожей и волосами красно-кофейного цвета, того же цвета были его длинные усы. Они были настолько длинными, что свободно заворачивались ему за ухо. Вокруг темных крупных глаз росли густые, завивающиеся кверху, ресницы, а над ними красноватые густые брови. Все это выглядело очень впечатляюще. Мои братья Петрос, Ншан и Гаспар были похожи на него. Отец, как и мать, был молчаливым и замкнутым человеком. Его лицо всегда было грустным, чувства - сдержанными, мыслями внутрь, его всегда преследовал страх очередных турецких зверств и чувство беззащитности. К сожалению, я не понимал, что с нами могло случиться, хотя знал, что мы живем под властью турок.

На содержании у отца было 12 человек, он много тяжело работал. Он работал с раннего утра до поздней ночи и, будучи истово верующим человеком, был уверен, что Бог убережет его семью и всех армян. Сколько бы я не встречал на своем веку мучений и страданий, все же не перестаю мучаться от мысли, что Бог предал столь верующего в него человека. Как он мог допустить подобную несправедливость?

В отличие от отца, дед был спокойным и веселым человеком. Своим внукам он всегда дарил радость. Как самый старший в доме он взял на себя руководство домашним хозяйством. Он же создавал моральную обстановку нашей повседневной жизни, рассказывая нам нравоучительные истории и басни, которые учили и воспитывали нас, приучая к дисциплине и вызывая восхищение. Для своего возраста он был внушительного роста, даже немного выше отца, с широкими плечами и крепким телосложением. В моей памяти он остался с красивыми седыми волосами и густыми бровями в дополнение к статному росту и темным глазам. Он был красивым человеком. Мой прадед переехал из Полиса в Тигранакерт, а через некоторое время в Исмаил, где поселился с близкими семьями в пристроенных друг к другу домах. Наш дом был посередине. Соседями были наши дальние родственники. Фидаи Алексан Амо, его жена Алтун баджи жили на одной стороне дома, а на другой – Тер-Нерсес со своей семьей. Когда мне было год или два, отец переехал из Исмаила в Берри.

В детстве я был активнее Гаспара, поэтому дед уделял мне больше времени, и я сильно к нему привязался. Много советов и нравоучений я получил из его рассказов и сказок. Ему удавалось успокоить и развеселить меня. Полученные знания пригодились в дальнейшем, порой спасая меня в трудные дни. И по

сей день, на закате моей жизни, я все еще ощущаю то тепло и радость, что он подарил мне. Возможно именно это и помогло мне прожить так долго. Связь между дедом и внуком была настолько крепкой, что разорвать ее не смогли даже турки.

Также как я был привязан к деду, Гаспар был близок с отцом. Для нас это было настолько естественно, что никогда не становилось причиной зависти. Очень хорошо помню как в четырех-пяти летнем возрасте нас заставляли бороться друг с другом, а победителю давали пять орехов и еще две штуки, если победитель сбросит соперника на пол. Чаще побеждал я, так как был крупнее, и орехи доставались мне. Однако время от времени отецставил мне ногу, чтобы Гаспар смог победить и получить орешки.

К сожалению, других своих предков, я не знал.

2. СОСЕДИ

Попробую описать наш дом и район, насколько смогу вспомнить.

Наш квартал, шириной в 10-12 шагов, располагался по обе стороны узкой дороги. Вдоль покрытой булыжником улицы возвышались дома не выше двух этажей.

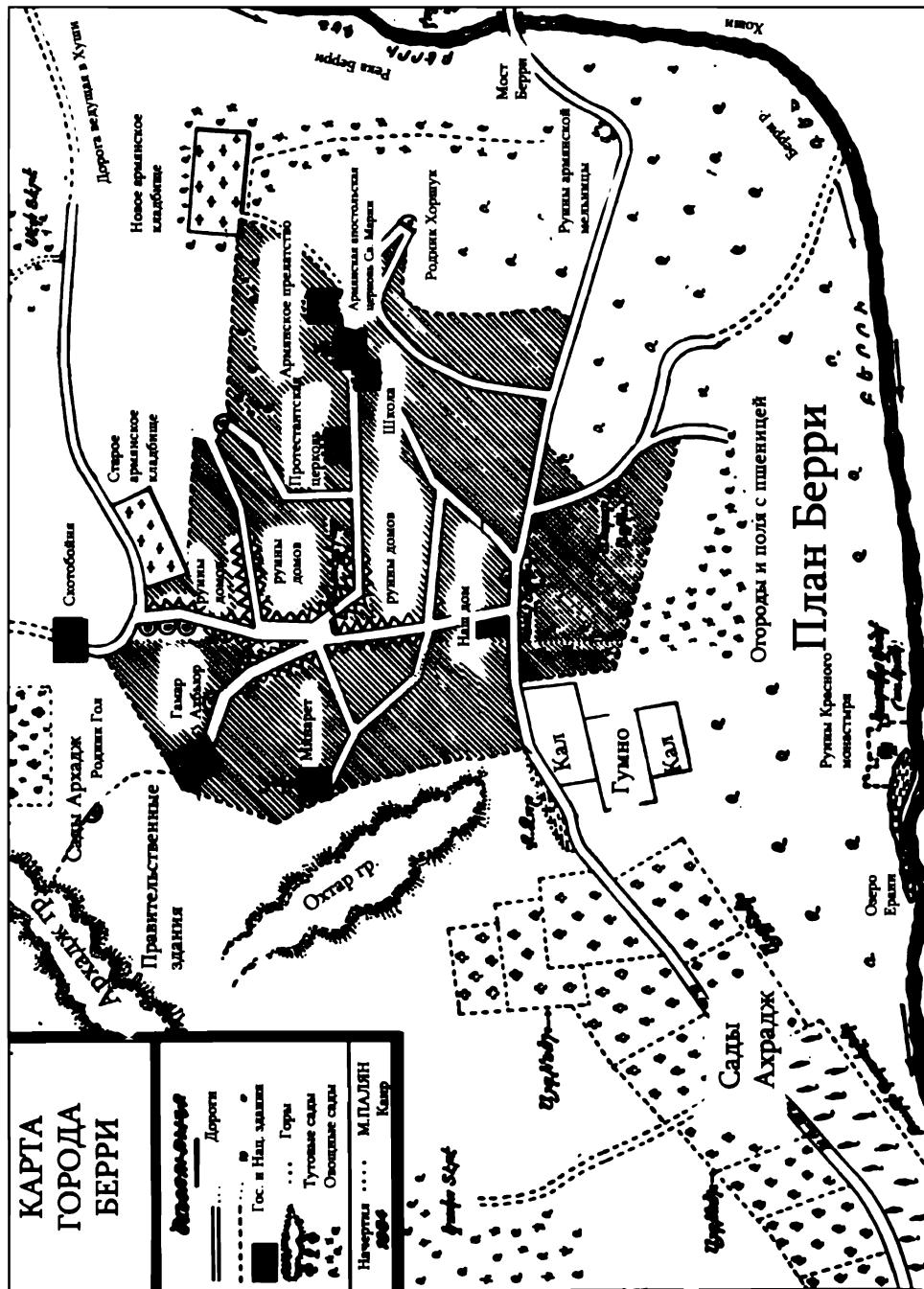
Посередине дороги бежал ару (ручей), который вытекал из источника Гамар ахбюор (фонтана). У Муселе даша (мусульманского камня для погребений) он раздваивался и протекал мимо печи для обжига. Один рукав приводил к торговым рядам, а второй - протекал мимо нашего дома до дома Ермоянов. Канал состоял из двух уровней, нижний - смывал из домов туалетные отходы, а верхний - был непокрыт и выносил уличную грязь.

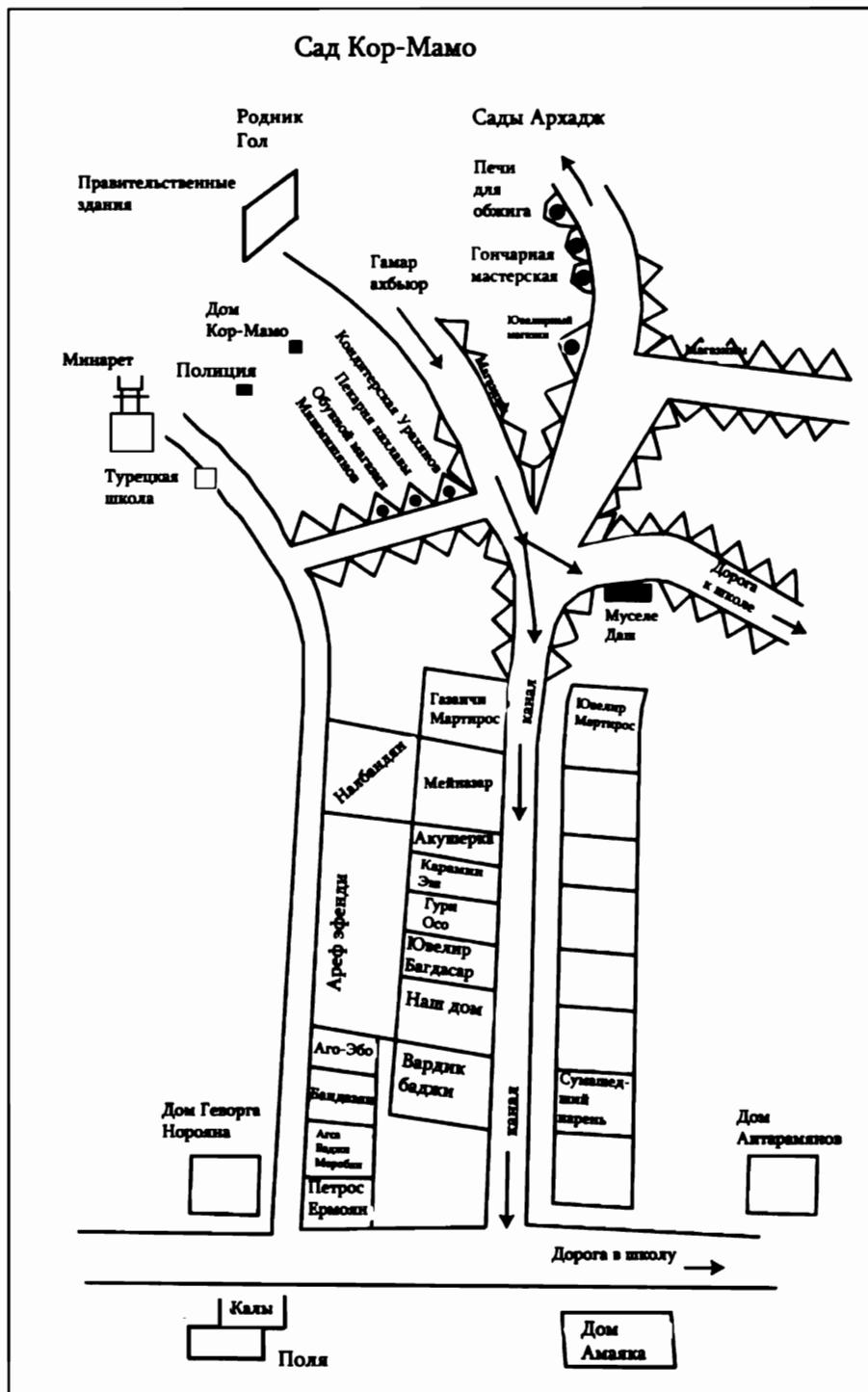
Мы с мальчиками любили играть на пустыре в углу квартала. Первый дом принадлежал Вардик баджи и был единственным двухэтажным домом на нашей улице. Ее сын уехал в Америку, чтобы избежать призыва в турецкую армию. С ней жили невестка и ее брат Киракос с женой и дочерью Вардуи. Алексан Амо был старшим братом Вардик баджи. Наша семья была очень дружна с семьями Вардик баджи и Киракоса.

Направо от нас жил воскерич (ювелир) Багдасар с одиннадцатилетним сыном. Они не очень общались с соседями. Рядом с ними жили две турецкие

Гамар ахбюор Г. Ереванян

Наши ближайшие соседи

семьи, единственные в нашем квартале. Первым был дом Кури Осо, а второй принадлежал Карамину Эшу. Оба старика сдавали в аренду ишаков. Далее был дом таяг (акушерки) и ее дочери. У нее была собака без задних ног, которую она продала за 5 долларов. Рядом с ними жил Мейназар, у которого был сын Аветис, высокий и красивый парень пятнадцати-шестнадцати лет. Он очень хорошо одевался и любил гордо расхаживать перед соседями. Последний дом, на самом углу квартала, принадлежал Казанчи Мартиросу, который торговал тонкими тканями в шуга (на рынке). Он был богат и поддерживал всю общину, к тому же он мог позволить себе посыпать дочь в школу.

Я плохо помню соседей напротив. Только семью, живущую прямо напротив нас. Их сын сошел с ума в Америке, и его все звали «сумасшедшим мальчиком».

Последним на углу был дом воскерича (ювелира) Мардироса. Он тоже был при деньгах, и его дочь Агавни посещала школу. Думаю, обе девочки были одного со мной возраста или на год младше. Мы покупали у них молоко, сыр и мацун. Ночью коровы были в хлеву, а рано утром их выгоняли до вечера в горы.

После дома ювелира Мартироса начинались торговые ряды. В ста пятидесяти ларьках продавались молоко, хлопчатые ткани, одежда и обувь. Тут же можно было приобрести свечи, спички и папиросную бумагу, ну и конечно разнообразные зерновые, кунжут, пеньковую веревку и хлопок. Мне не приходилось самому делать покупки, поэтому я плохо помню, что еще продавали на рынке.

Недалеко от нашего дома, налево от Муселе даша находилась кондитерская Урахянов, где пекли и продавали пахлаву. Рядом с ней был пур (пекарня), где выпекали хлеб в основном для чиновников. На той же улице Мишмишяны владели единственной во всей округе обувной мастерской. Они приходились нам родственниками с отцовской стороны. Братья Мишмишяны вместе со своими семьями жили в одном большом доме за церковью. Если не ошибаюсь, их звали Оган, Абраам, Гаспар, Марсуб. Гаспар и Марсуб были учителями в нашей школе, в дальнейшем Марсуба перевели в другую школу. Я очень хорошо помню их визиты к нам. Их дом был построен на двух разных участках земли по две стороны улицы, и два дома были соединены общим вторым этажом. Это сооружение походило на мост над улицей. Я нигде больше не видел подобного.

Перед захоронением мусульмане приносили усопших к Муселе дашу, поминальному камню мусульман, для молитв. Камень находился в самом центре городского рынка, и вокруг него всегда было много народа. Здесь дорога расходилась на три улицы.

Правая улица вела к нашей церкви и школе. Средняя улица вела к

Архадж бахча (тутовые рощи) и к кузнице. Немного дальше была гончарная мастерская с печами для обжига и гончарным кругом. Здесь можно было увидеть керамику самых разных форм и размеров. Владел гончарной отец моего одноклассника Тороса Малхасяна. Там делали всю керамику для Берри и близлежащих сел. Их семья жила рядом, не далеко от церкви в красивым доме Акопа Холипигяна на холме. Третья улица шла от рынка к Гамар ахбюру, правительенному дому, полиции, турецкой школе и мечети.

Пустырь вокруг дома Вардик баджи был излюбленным местом игр мальчишек. С ним у меня связаны очень теплые воспоминания об играх с одноклассниками на переменах между уроками.

В конце нашего квартала, у пустыря находился дом Петроса Ермояна. У его отца была мельница. Рядом с ними, за нашим домом, находился дом Ахса баджи. Она жила с двумя дочерьми, а муж эмигрировал в Америку, чтобы избежать призыва в турецкую армию.

Дальше находился дом Бандазянов и землянка Ако-Ибо, единственная во всем Берри. У Ако-Ибо была жена-армянка и сын Левон.

Огромный двухэтажный дом Арефа Эфенды находился за нашим домом, а также за домами воскерича Багдасара, Кури Осо, Карамина Эша и акушерки. Часто, стоя на нашей крыше, он играл в мяч, стучая им о стену нашего дома. Единственное, что я знал о нем, это то, что он был известным и богатым турецким чиновником.

Кузнец Налбандян жил по соседству с Арефом Эфенди. Его сыновьями были Айказ и Хосров. Первый был здоровяком, но самым слабым в классе по успеваемости. Хосров, его старший брат, был прилежным учеником и все его очень любили. В последний раз я видел его в Алеппо, где он работал репортером местной газеты.

Мой лучший друг Геворк Нороян жил направо от мельницы, которая находилась в задней части дома Ермоянов. Далее начинались поля с пшеницей и овощами. Земледельцы, возделывающие эти земли, жили непосредственно рядом с полем в небольших домах. Многие из них держали кур и петухов. Мне

запомнилось их темное красно-коричневое оперение, ярко красные гребешки, бородки, и то, как гордо они расхаживали с поднятыми вверх хвостами.

Мой кузен Амаяк и семьи трех его дядей жили рядом с полями. Все четверо братьев Мурадянов были земледельцами. Улица, на которой находился их дом, вела к нашей школе. Иногда мы ходили в школу по ней, а иногда — по ведущей через Муселе даш. Эксузяны жили на той же улице напротив протестантской церкви, на полдороге от нашего дома к школе.

3. НАШ ДОМ

Небольшая стена, высотой примерно в 10 футов и шириной 15 дюймов, отделяла наш дом от улицы. У всех домов были такие стены. Череда стен — единственное, что можно было увидеть, проходя по нашей улице. Сами дома прятались за этими стенами.

Перед каждым домом в стене был вход во двор, деревянная дверь. В небольшом дворе непосредственно к стене был пристроен туалет, чтобы сразу смывать отходы в канал по другую сторону стены. Здесь же находился небольшой очаг, а в углу двора, ближе к дому ювелира Багдасара, хранились дрова. Очаг служил для нагревания в медном котле воды для бани, стирки одежды и муслина. Несколько чанов для домашних нужд было расставлено вдоль стены, под окнами дома. Здесь же стояли два чана с водой. Моеей обязанностью было следить за тем, чтобы в них всегда была вода. Под стеной, прилегающей к дому ювелира, мы установили закрытую с трех сторон печь, что позволяло женщинам заниматься домашними делами круглый год.

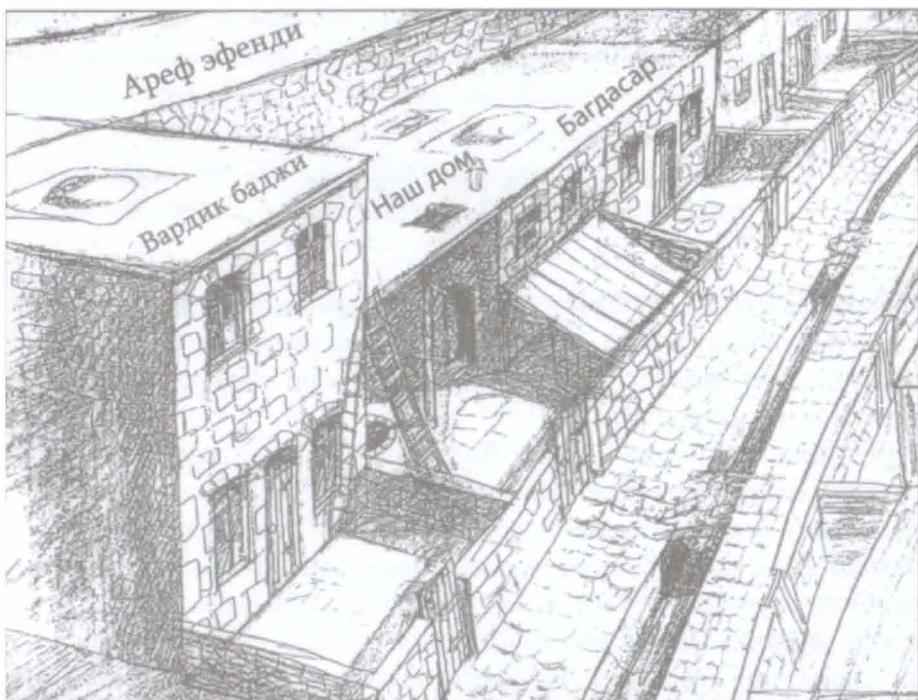
На закрытой крышей левой стороне внутреннего двора был вход в тонратун. Это было глинобитное маленькое строение, в котором выпекали хлеб. У каждого дома был свой тонир. В углу у смежной с домом Вардик баджи стены стояла лестница, ведущая на крышу.

Петаки были установлены на деревянной основе. У нас их было несколько, в них мы хранили муку и зерна. Ширина их основания была три фута, а глубина — около четырех. Самый большой из них был в высоту шести футов, там хранилась мука. Они стояли по мере убывания высоты. В самых низких петаках хранились блгур, зерно и чечевица.

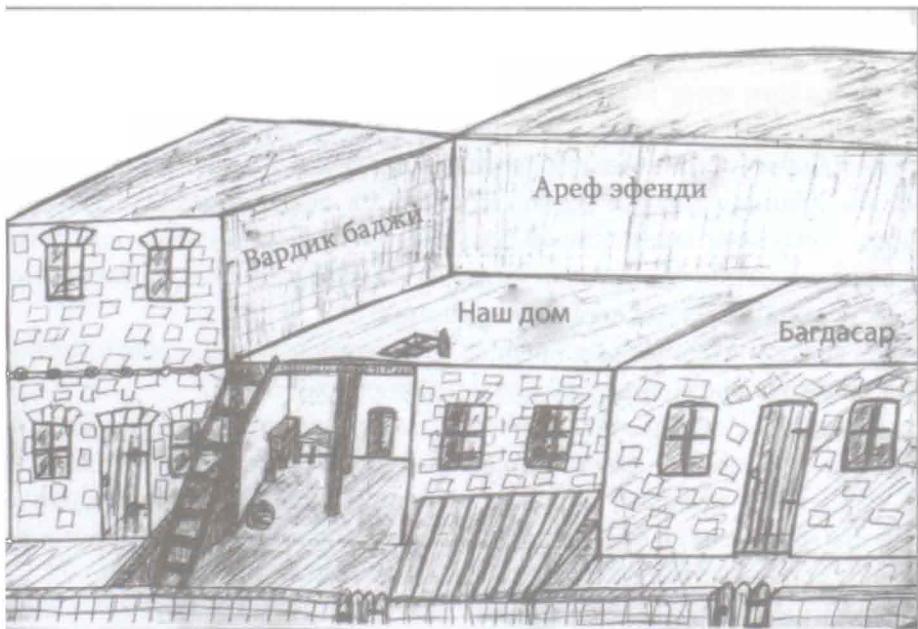
У дна каждого петака была крышка с носиком, что позволяло высыпать из петака необходимое количество муки и зерновых.

На смежной с домом ювелира стене, за петаками, на высоте трех футов находилась специально проделанная шестидюймовая щель. Такая же щель была и в стене, смежной с домом Вардик баджи. Подобные щели были проделаны между соседними домами для коммуникации - для информирования соседей о чрезвычайных ситуациях и о случаях опасности.

Хзен или маран находился в конце дома по правую сторону от хлева. От жилых помещений он был отделен стеной. Вход в маран также был в середине стены. Именно здесь в больших глиняных кувшинах хранилась вся наша еда.

Часть нашей улицы

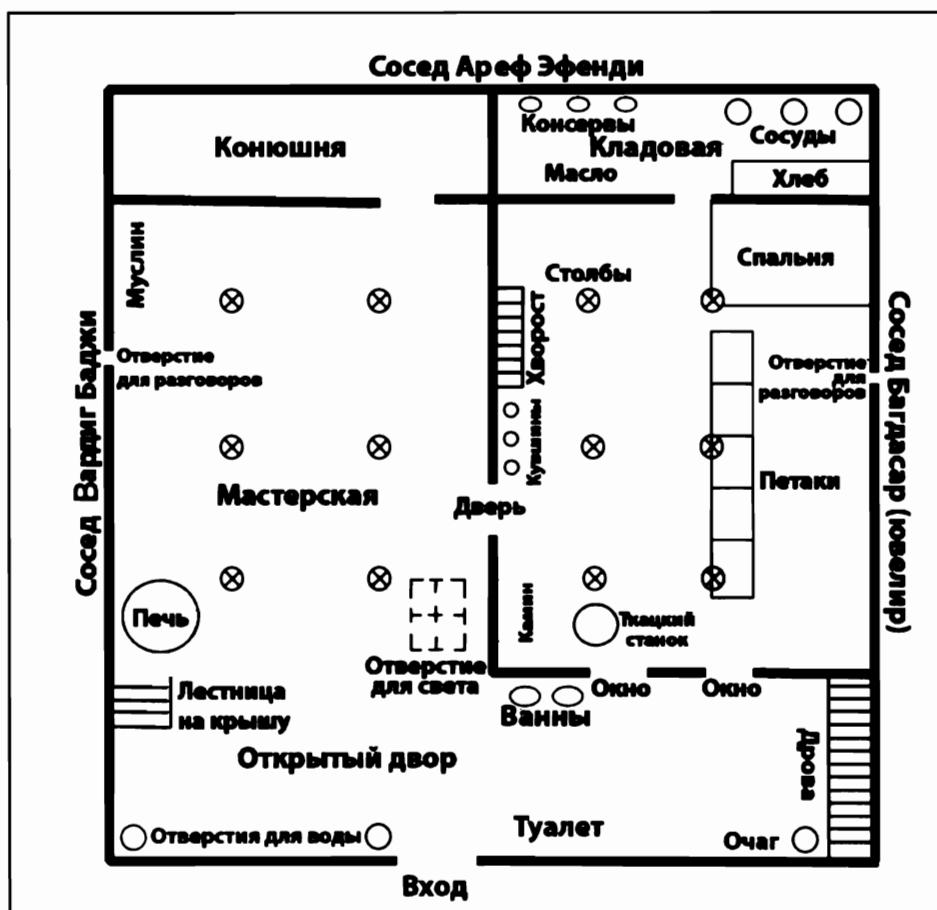
Внешний вид нашего дома

Кувшины были разных размеров, и в самых больших хранились водка и вино моего отца. Варенья, консервы, соленья, изюм и масло хранились именно здесь. Полка с хлебом висела по правую сторону от входа в мазан.

Дрова хранились под стеной рядом с тонратуном. Там же стояли четыре чана с питьевой водой.

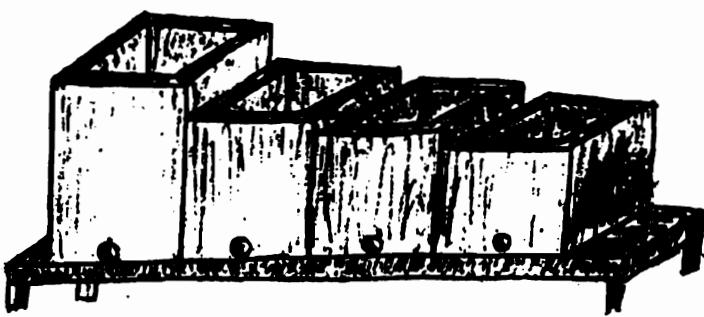
В доме было четыре двери, и все деревянные. Один общий деревянный ключ открывал все внешние двери. Два окна и прорезь в потолке были застеклены. Деревянный пол во всем доме был покрыт толстым слоем глины. Стены дома были кирпичными. Толстые стены дома сохраняли тепло в зимнюю стужу и прохладу в жаркие летние дни. Для зимнего холода в доме была еще и соба (древяная печь). Ее мы устанавливали с первыми холодами и убирали как только теплело. Соба устанавливалась в жилой части дома рядом с камином, и их трубы соединялись наверху.

Для предотвращения наводнений пол внутреннего двора был на несколько дюймов ниже пола жилой части дома, создавая уклон в сторону улицы. В земле

План нашего дома

были сделаны отверстия, чтобы дождь и снег стекали в канал, протекающий под внутренним двором. Даже в той части внутреннего двора, где не было крыши, дождевая вода и снег не накапливались. Это все, что я помню о нашем доме и о домах соседей в Берри.

Петаки (контейнеры)

4. ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА И ОБЫЧАИ

ПОЧВА

Окрестности Берри были богаты глиной, поэтому в нашей округе было много гончаров.

Серой глиной были покрыты крыши всех домов. Наша деревянная крыша была покрыта восьмидюймовым толстым слоем темной глины. Ее выравнивали при помощи лоха. Перед каждой зимой в ней заделывались трещины и повреждения.

Лох был цилиндрическим камнем длиной 24 дюйма, диаметром в 209 дюймов со сквозной дырой внутри. Тяжелое приспособление держалось на деревянной ручке, с помощью которой надо было катать лох по глине для идеального выравнивания поверхности. Для меня он был слишком тяжелым, катая его по наклонной крыше, каждый раз было трудно устоять и не свалиться вместе с лохом вниз. Впервые мне доверили заделывать поверхность крыши лохом в 12 лет, и это была самая тяжелая работа, которую мне доводилось делать.

У нас также был специальный саман для изготовления облицовочного кирпича для внутренней и наружной части дома. Саман размешивался с мякиной, и эта масса заливалась по формам необходимого размера, затем их оставляли сушиться под солнцем. Кирпичи сушились до бурого цвета. Петаки, контейнеры прямоугольной формы, делались из того же материала, но размеры кирпичей были намного меньше.

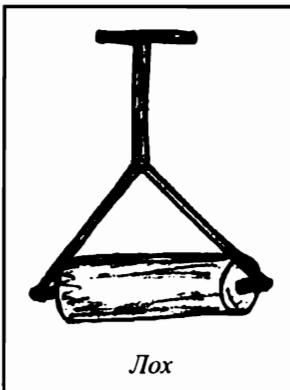
Помимо серой в Берри было несколько разновидностей глины. Каждый вид использовался для определенных целей.

В западной части Берри встречалась какчи (белая и рассыпчатая глина). Водяной раствор этой ароматной глины использовался для побелки стен, петаков для муки и пола.

Темная глина с таким же приятным запахом применялась для мытья и стирки.

В горах Берри добывалась ардар (чистая) глина. Ее применяли при хунтаже (хандзарур) новорожденных. Глину обжигали, доводили до температуры приятной на ощупь и укладывали ребенка на нее.

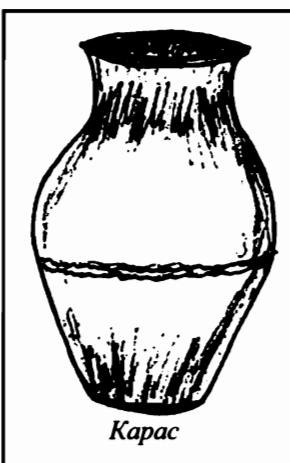
В Берри была также и серая глина, похожая на цемент, для ремонта калов для муки. Кал был размером 30 на 30 шагов. Толстым слоем этой глины

Лох

покрывали землю, потом выравнивали ее лохом. Подобным образом ремонтировали и серкен для сушки тута (шелковицы), но в этом случае слой глины был намного тоньше.

Благодаря разнообразным сортам глины Берри был известен своими гончарными изделиями. Глиняная утварь была сделана из той глины, в которой можно было готовить еду в печи. После обжига глиняная посуда окрашивалась в бурый цвет. Бартах хане (место для подготовки и обжига) находилась на рынке. Отец Тороса Малхасяна не только делал всю посуду города, но и поставлял ее в ближайшие села.

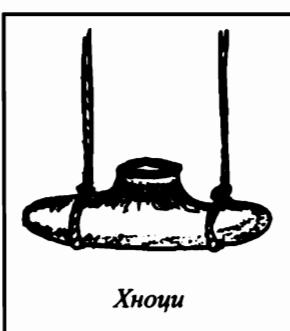

Карас

ГОНЧАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И СОСУДЫ

У нас было множество сосудов разной формы и размеров в зависимости от их предназначения. Парч — сосуд для воды с носиком и ручкой. Для его приготовления в глину добавляли соль, что придавало воде сладковатый привкус и долго сохраняло прохладность воды. Глину для парча брали с берегов реки Берри. Стенки этого сосуда были намного тоньше остальных сосудов, они были очень похожи на стекло. Куж (кувшин) — со стенками потолще и двумя ручками. Его делали разных размеров и форм в зависимости от предназначения. Отец хранил свое вино и водку в куже, который имел высоту в четыре фута с такой же шириной. В похожих кувшинах мать хранила соленья.

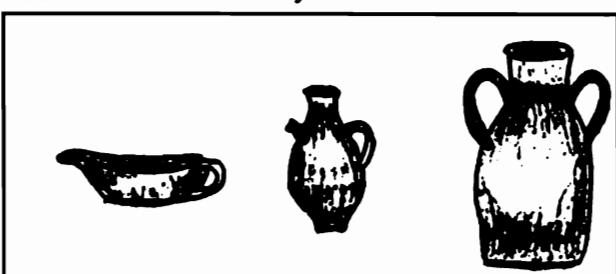
Масло выбивали в хноци (маслобойке), которая имела особую форму и вмещала пять галлонов. В основном хноци мы использовали для приготовления тана (напиток на основе мацуна). После использования хноци подвешивали к потолку за петаками.

Хноци

Куж

Фанос

Парч

Готи

Так же у нас было несколько медных и бронзовых чанов, которые хранились во внутреннем дворе рядом с туалетом, где стояла вода для купания. Мой отец использовал их во время стирки полотен.

В хозяйстве также использовались мешки из ткани, которые шили женщины. С ними мы ходили за грибами и травами.

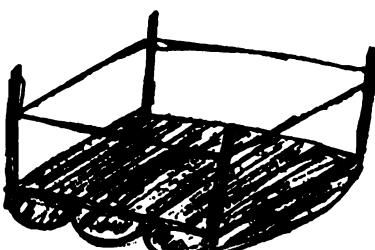
Одна из разновидностей таких мешков называлась чехен. На квадратные шерстяные или муслиновые ткани ставился предмет для хранения. Затем концы ткани сводились вместе и завязывались.

Тик

Медные и бронзовые чаны

Поскольку глиняные кувшины были тяжелыми и легко бьющимися, то они не были удобны для транспортировки. В этих случаях применяли тик, он был легким и надежным для перевозки. Тик изготавливали из овечьей или козлиной шкуры с идеально вычищенной внутренней стороной и без малейших повреждений. Места срезов ног и головы плотно завязывали, оставляя лишь одно из них, в которое вставлялась деревянная трубочка с пробкой. Таким образом, жидкость не выливалась из тика во время транспортировки. Эти ёмкости делали разных размеров в зависимости от предназначения.

Кейлек

В маленьких тиках, нагруженных на осла, отец привозил из курдских деревень топленое масло. В таких тиках питьевую воду относили в школу и заливали в глиняный сосуд.

Большие тики широко применялись при перевозке на кейлеках (плотах). После заливки жидкости в тик, оставшееся пространство заполняли воздухом так, что тик надувался как шар. Тиками загружали плот, а перила на плоте не давали

пассажирам и гребцу упасть с него. Такой водный транспорт был крайне ненадежен, так как реки были в основном бурными, плоты применялись для плаванья по рекам в более спокойных местах.

